

Тела и сексуальности сквозь призму феминистской критики

ТЕЛЕСНОСТЬ и сексуальность как предмет рефлексии философов, социологов, антропологов и историков занимали периферийное место в пространстве европейской социальной мысли вплоть до начала XX столетия. Лишь благодаря распространению фрейдовского психоанализа и возникновению гуссерлевской феноменологии в первой половине века проблематика тела и чувственного опыта попадает в поле зрения социальных исследований¹. Бурный XX век, отмеченный мировыми войнами, революциями, массовыми протестами, борьбой угнетенных — женщин, сексуальных меньшинств и других социальных групп — за свои права и свободы, интенсивным ростом потребления и развитием технологий, породил новое междисциплинарное направление — *Body & Sexuality Studies*, которое рассматривает разные аспекты телесного и сексуального опыта в контексте властных отношений. В этой развивающейся области исследований принято считать, что тела и сексуальности действуют сообразно правилам патриархальных режимов и понимаются как результат пересечения классовых, гендерных, возрастных, расовых и других различий.

Несложно заметить, что направление *Body & Sexuality Studies* во многом вбирает и развивает идеи о дискурсах сексуальности², дисциплинарной власти³ и биополитическом регулировании⁴ Мишеля Фуко, который говорит о телах с точки зрения их подчине-

1. История тела. Т. III. Перемена взгляда: XX век / Под ред. А. Корбена и др. М.: НЛО, 2016. С. 5–6.
2. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Магистериум; Касталь, 1996.
3. Он же. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999.
4. Он же. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году / Пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Наука, 2011.

ния, нормализации и управления. Его влияние прослеживается сегодня во множестве теоретических и эмпирических работ, посвященных изучению женских и мужских тел, женской и мужской сексуальностей. В то же время его концепция сексуальности, отражающая мужской опыт, подвергается критике со стороны феминистских теоретиков и практиков. К примеру, Джудит Батлер, с одной стороны, развивает фукианскую концепцию власти и субъективности в теоретическом анализе значений телесности и дискурсивных границ «пола»⁵, с другой стороны, критикует Фуко за недостаточное внимание к значению гендера как перформативного акта в процессе субъективации⁶. В своем подходе Батлер провозглашает аналитический демонтаж патриархального гетеросексуального порядка как основы порядков сексуального и политического. В этом смысле феминистская критика и гендерные исследования, разоблачающие любое господство и властное неравенство⁷, возвращают женское тело в письмо, связывая его с перформативностью власти и гендера⁸.

Переход к постиндустриальному обществу, сопровождающийся ускоренным развитием био- и информационных технологий, интернета и сетевых коммуникаций, опосредованных технологизацией социальных взаимодействий, привел в конце 1980-х годов к зарождению так называемого пост- или киберфеминизма, программным текстом для которого становится «Манифест киборгов» Донны Харауэй⁹. Будучи кодом новой онтологии, киберфеминизм, в отличие от подхода Батлер, отменяет гендер, возраст, расу и социальное как таковое, размывая границы между человеком как биологическим видом и другими видами. Телесность в киберфеминизме предстает в метафоре гибридного тела множественной разнопорядковой идентичностью, которая генерируется с помощью разных кодов, регистров и модусов. Тело киборга, не скованное одним гендером и возрастом, одной сексуальностью

5. *Батлер Дж.* Психика власти: теории субъекции / Пер. с англ. З. Баблюяна. Харьков: ХГЦИ; СПб.: Алетейя, 2002. С. 16–18.
6. *Он же.* Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2011. № 2. С. 11–12.
7. *Здравомыслова Е., Тёмкина А.* Феминистские рефлексии о полевом исследовании // *Laboratorium.* Журнал социальных исследований. 2014. № 1. С. 88.
8. *Buttler J.* Bodies that Matter. On the Discursive Limits of Sex. N.Y.; L.: Routledge, 1993. P. 9.
9. *Haraway D.* A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature.* N.Y.: Routledge, 1991. P. 149–181.

и расой, открывает возможность для создания новых стратегий политического переизобретения реальности на основе междисциплинарных, межвидовых и иных гибридных связей.

Какие дискурсы и политики тел возникают в контексте последних тенденций общественного развития? Каковы способы телесного и сексуального сопротивления? В чем состоят особенности стратегий пересборки реальности на основе телесных, сексуальных и гендерных практик? Ответы на эти и другие вопросы ищут авторки статей, написанных в русле *Body & Sexuality Studies* и содержащих идеи феминистской критики; она — и только она одна — вскрывает нарывы на теле общества, вызванные патриархальной культурой.

Александрина Ваньке